

ЯЗЫК . СЕМИОТИКА . КУЛЬТУРА

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Ю. М. ЛОТМАН

ВНУТРИ МЫСЛЯЩИХ МИРОВ

ЧЕЛОВЕК—ТЕКСТ—СЕМИОСФЕРА—ИСТОРИЯ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

Лотман Ю. М.

Л 80 Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: «Языки русской культуры», 1999. — 464 с.

ISBN 5-7859-0006-8

Редактор Т. Д. Кузовкина

Многолетние исследования в области культурологии, литературоведения и истории привели Ю. М. Лотмана к необходимости поиска универсального научного метода. На основе анализа богатейшего историко-культурного материала в книге делается вывод о необходимости применения в гуманитарных исследованиях методов семиотики. Выход автора к понятию семиосферы дает возможность объединить различные области человеческих знаний в глобальное Знание о Человеке. Книга всемирно известного ученого предоставляет читателю возможность не только «следовать за мыслями великого человека», но и пытаться решить поставленные им вопросы, остающиеся открытыми и сегодня.

ББК 71.0+81

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su) the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 5-7859-0006-8

© Ю. М. Лотман, 1996
© М. Л. Гаспаров. Приложение, 1996
© В. В. Иванов. Предисловие, 1996
© У. Эко. Приложение, 1996
© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995
© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	
ВЯЧ. ВС. ИВАНОВ. Семiosфера и история	VII
ОТ РЕДАКТОРА.....	XV

ВВЕДЕНИЕ	1
Вводные замечания.....	1
После Соссюра	5

Часть первая

ТЕКСТ КАК СМЫСЛОПОРОЖДАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО

Три функции текста	11
Автокоммуникация: «Я» и «Другой» как адресаты.....	23
Риторика — механизм смыслопорождения.....	46
Иконическая риторика	74
Текст в процессе движения:	
Автор — Аудитория, Замысел — Текст	87
Символ — «ген сюжета»	115
Символ в системе культуры.....	146

Часть вторая

СЕМИОСФЕРА

Семиотическое пространство	163
Понятие границы.....	175
Механизмы диалога	193
Семиосфера и проблема сюжета	206

Символические пространства	239
1. О понятии географического пространства в русских средневековых текстах	239
2. Путешествие Улисса в «Божественной комедии» Данте	249
3. Дом в «Мастере и Маргарите»	264
4. Символика Петербурга	275
Некоторые итоги.....	296

Часть третья

ПАМЯТЬ КУЛЬТУРЫ. ИСТОРИЯ И СЕМИОТИКА

Проблема исторического факта.....	301
Исторические закономерности и структура текста	307
Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры?.....	344
О роли типологических символов в истории культуры ..	357
Возможна ли историческая наука и в чем ее функция в системе культуры?	380
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	386
ЛИТЕРАТУРА	387
УМБЕРТО ЭКО Предисловие к английскому изданию	405
М. Л. ГАСПАРОВ Лотман и марксизм	415
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ (Д. Э. Кузовкин).....	427
ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ (Д. Э. Кузовкин)	438
Kokkuvõte (M. Grishakova)	444

Вяч. Вс. Иванов

СЕМИОСФЕРА И ИСТОРИЯ

В предлагаемой вниманию читателей книге Юрий Михайлович Лотман приходит к тем идеям, которые будут его особенно волновать в последние годы жизни. Они касаются основных ключевых вопросов истории культуры вообще и русской культуры и литературы в частности.

Главной теоретической проблемой, занимавшей Лотмана в конце жизни, стал взрыв в культуре и истории и связанная с ним принципиальная непредсказуемость событий, за взрывом следующих. Лотман знал, что он пишет во взрывной момент истории русской и мировой культуры. Лотман спешит откликнуться на волновавшие его (как и нас всех) общественные перемены. Но вместе с тем весь этот ход мысли был подготовлен предшествовавшими многолетними раздумьями и занятиями историей русской культуры.

Введенное Лотманом различие между постепенной эволюцией и взрывами представляет собой современную форму тех споров вокруг разных моделей развития, которые начались еще в конце позапрошлого XVIII века и нашли свое продолжение в учении Дарвина и в выступлениях против него, в том числе в знаменитой книге Данилевского, известном труде Берга о ноосфере и последующих антидарвинистских работах. Сам Лотман имел в виду теорию геологических катастроф Кювье, когда говорил об изменениях значения понятия «революции» в связи с геологическими катастрофами. Замечу, что, как и поздние работы Лотмана, труды Кювье отмечены связью со временем, их породившем. Кювье отнюдь не был только кабинетным ученым, хотя его реакция на происходившие во Франции события полярно отличалась от рыцарской позиции Лотмана: согласно словарю изменени-

ков, виденному мной в библиотеке одного из учителей Лотмана — Б. В. Томашевского, Кювье был едва ли не рекордсменом по числу своих своевременных переходов от одной политической веры к другой: в современных терминах мы бы сказали, что он — даже с опережением — всегда менялся вместе с генеральной линией. Но независимо от его личной склонности к компромиссам (быть может, продиктованным прежде всего желанием без помех продолжать свои научные занятия), Кювье в своей общенаучной концепции был сыном времени французской революции. Развитие мыслилось им прежде всего как смена эпох, отделяемых друг от друга катастрофами. В той конкретной области — геологии и палеонтологии, которая была сферой научных занятий Кювье, современная наука нашла совсем недавно, по-видимому, неопровержимые доказательства верности его модели. Длительные споры о причинах исчезновения динозавров завершились обнаружением следов метеорита, столкновение которого с Землей (в районе, близком к знаменитому Бермудскому треугольнику) полностью изменило экологические условия на Земле и привело к вымиранию большей части ее тогдашних обитателей. Накапливаются данные, позволяющие некоторым ученым предполагать, что аналогичная катастрофа имела место и еще несколько десятков миллионов лет спустя. Но во всяком случае, уже сейчас неоспоримо, что геологическая и биологическая эволюция на Земле не была только постепенной (если пользоваться терминологией работ Лотмана), но включала и взрывы, при этом с внутриземной точки зрения вполне непредсказуемые, так как они были связаны с вторжением космических объектов.

Поскольку Лотман в своих поздних работах возвращается к необходимости создания объединяющей теории, включающей наряду с историей общества и культуры и то, что в старину называли «естественной историей», стоит отметить, что взрыв входит в качестве основного события и во все современные космогонические и астрофизи-

ческие построения. Со взрыва (Big Bang) начинается история Вселенной. Согласно «антропному» (или «антропологическому» — anthropic) принципу, наметенному великим физиком Эренфестом еще в 1917 г., но получившему развитие лишь в последнее десятилетие, параметры Вселенной после Большого Взрыва были благоприятны для будущей эволюции, приведшей к появлению человека и его мозга; можно согласиться с идеей одной из недавних речей чешского президента писателя В. Гавела, который утверждает, что этот физический принцип должен войти составной частью в мировоззрение человека. Среди наиболее серьезных рассуждений на эти темы следует отметить три статьи академика А. Д. Сахарова, написанные им во время ссылки в Горьком и тогда же напечатанные П. Л. Капицей в «Журнале экспериментальной и теоретической физики». В них Сахаров обсуждает и гипотезу о циклическом развитии Вселенной (возвращаясь по существу к идее шведского физика Аррениуса), которая может возникать и гибнуть. Эту же циклическую модель Сахаров допускает и «для информационных процессов». Аналогия с ходом рассуждений Лотмана разительна: в своих последних работах Лотман настаивает на циклическом характере природных явлений, в отличие от линейного движения, осуществляющегося в истории культуры и вообще в человеческой истории. На необходимости синтеза физики и науки о человеке настаивает физик Андрей Линде в конце книги, посвященной инфляционной модели раннего развития Вселенной.

Поставленные в книге Лотмана проблемы в предшествующие десятилетия обсуждались гораздо больше в работах ученых-естественников, чем гуманитариев, которые за редкими исключениями не касались принципиальных вопросов диахронии (исключение составляют оказавшие влияние на становление взглядов Лотмана мысли формалистов, таких как Ю. Н. Тынянов, и особенно идеи Р. О. Якобсона, вслед за Бергом в свой пражский период и позднее

развивавшего концепцию телеологической модели «нотогенеза»). В шестидесятых и семидесятых годах не только на ученых, но и на писателей Запада (напомню эпиграф к книге Косиньского «Blinddate») произвела впечатление книга специалиста по молекулярной биологии Нобелевского лауреата Моно «Значение и необходимость» («Change et nécessité»). Для книги всего важнее оказалось знакомство Лотмана с трудами другого Нобелевского лауреата — Пригожина, вместе со своими сотрудниками осветившего природу взрывных процессов с точки зрения естественных наук; более строгую форму имеют работы французского математика Р. Тома, посвященные теории катастроф, в том числе и в ее применении к семиотике.

К восприятию идей Пригожина Лотман был подготовлен тем периодом, когда еще с начала шестидесятых годов развитие русской семиотики шло рука об руку с первыми опытами приложения теории информации к явлениям культуры. Хотя теория информации возникла, в основном, благодаря трудам американского инженера и математика Х. Шеннона, исследовавшего передачу сообщений по техническим каналам связи, круг ее применений оказался очень широким. Это было замечено сразу же одним из создателей теории — великим русским математиком А. П. Колмогоровым, с которым Лотман общался в те годы, когда тот начинал свои занятия русским стихом. В подходе Лотмана к взрывным процессам отчетливо ощущается его интерес к их информационной характеристике. Именно в этом Лотман оказывается особенно близок к Пригожину. На последней лекции, читанной Лотманом в Московском университете, он излагал общую схему взрыва в культуре. На вопрос о Пригожине он ответил, что считает его работы гениальными. Надо заметить, что концепции хаоса, существенные для Пригожина, стали в последнее время в центре внимания специалистов по математике и тех естественных наук, которые широко применяют аппарат странных аттракторов, фракталов и других новых

идей и методов, которые могут оказать существенное воздействие и на гуманитарные исследования¹.

Ю. М. Лотман был не только одним из основателей современной семиотики (как общей науки, изучающей любые знаки и тексты, в духе того, что мечталось еще Ч. Пирсу) и структурно-семиотического литературоведения в том его тартуско-московском варианте, который ориентирован преимущественно на тексты и их исследование. Он был историком и историком культуры в самом одновременно общем и конкретном смысле. По его последней книге «Беседы о русской культуре» можно составить себе представление о том, насколько обширными были его (совершенно уникальные) познания в этой области (о них же говорит замечательная глава его комментария к «Евгению Онегину», посвященная культуре и быту той эпохи). Приведу только один дополнительный пример. Среди тех конкретных историко-культурных дисциплин, в которых Лотман был несравненным экспертом, находилось и «дуэлеведение». Однажды Лотман повез целую группу своих тартуских студентов в Ленинград, чтобы там в музейных собраниях познакомить их с особенностями дуэльных пистолетов! Общие сочинения Лотмана по истории культуры содержат множество драгоценных примеров его глубокого знания русской культуры на всем ее протяжении.

С середины восьмидесятых годов Лотман все больше заинтересовывается методологией изучения истории. Последний из больших семинаров, на котором снова в Кяэрику в Летней школе собрались под его эгидой тартусцы и москвичи, был посвящен соотношению семиотики и истории. Он выступил там со своей программой принципиальной непредсказуемости последствий взрывных процессов.

¹ В связи с этими новыми перспективами объединения естественных и гуманитарных наук, на котором настаивал в последних работах Лотман, стоит отметить, что великий астрофизик Артур Эдингтон в своей книге 1939 г. «The Philosophy of Physical Sciences» (New York: Macmillan Company, Cambridge, England, At the University Press) говорил о структурализме как общем принципе науки.

В его трудах, где эта проблема обсуждается преимущественно на материале русской истории, видно одновременно стремление Юрия Михайловича использовать свои уникальные познания для пользы всех тех, кто хотел бы понять Россию умом (вопреки предостережению Тютчева о неприложимости к ней «общего аршина»), и нежелание соскользнуть на путь дешевых публицистических предсказаний. Лотман старается сформулировать некоторые факторы и закономерности, постоянно присутствующие в русской истории: роль Запада, тяга к нему и отталкивание от него, характер Просвещения, оказавшегося отличным от его западноевропейского варианта, значимость утопии. На последнем примере можно видеть его пронизательность, припрятанную, как его ироническая усмешка порою скрывалась в усах улыбающегося ученого. Он советует не спешить с выводами о разочаровании в утопиях. Этот совет уже сейчас может быть полезен тем специалистам по «советологии» и «кремлеведению» скоропелым журналистским выводам которых не хватает временной глубины лотмановского исторического знания.

Казалось бы, при увлечении Лотмана конкретной историей русского быта и русских вещей он должен был бы стать союзником французской исторической школы «Анналов», о которой говорится в книге. Он признает большие заслуги ученых, которые, как Жак Ле Гофф в работах по истории средних веков, открыли роль постепенных изменений и повседневности для истории. Но, в отличие от некоторых из новых апологетов этой исторической школы, Лотман никогда не стал бы делать этот аспект изучения единственно заслуживающим внимания. Его занимают и конкретные исторические персоналии, биографическому истолкованию которых он посвящает отдельные монографии, начиная со своей молодости, и массовые движения, приводящие к взрывной непредсказуемости. Его концепция истории и, в частности, русской истории, лишена предвзятости: он хочет понять ранее происходившее, не поддаваясь искажениям прошлого,

присущим ретроспекции, неизбежность наличия которых он постоянно подчеркивает. Уже произошедшее для историка как бы отменяет те многообразные возможности, которые были до случайного выбора одной из них. Главное методологическое новшество, которое Лотман хочет ввести в историческую науку, состоит в необходимости реконструировать это многообразие. Я не до конца уверен в том, что возможности даже при наиболее радикальном взрыве всегда равновероятны. Лотман на этом настаивал.

Рассмотрим в качестве примера ситуацию лета 1917 года (между двумя революциями) в России. Пастернак, давший своей книге стихов «Сестра моя жизнь» подзаголовок «Лето 1917 года» (возможно, что книга частично написана и позже — издана несколько лет спустя), зарисовал в ней атмосферу хаоса и чуда, им порожденного. В конце этого лета становится ясным, что достигнутый максимум энтропии не может возрасти дальше. В плоскости политической предстоял выбор, в любом случае ограничивавший свободу, переходившую в анархию. Уже здесь нет равновероятности: вероятность сохранения свободы (личности, собраний, слова, печати) на прежнем уровне стала пренебрежимо малой. Предстоял выбор из нескольких возможных несвобод. Их можно связать с личностями генерала Корнилова и большевистских вождей — Троцкого и Ленина. Поведение каждого из них, в свою очередь, связано с их биографическими информационными характеристиками. В частности, то, что Ленин так настаивал на необходимости быстрого взятия власти, кроме всего прочего, могло быть связано и с (не обязательно только лишь подсознательными) его предположениями об ограниченности того личного жизненного времени, которое было у него в запасе. Каждый из общественных и личных мотивов поведения названных (и других) исторических деятелей мог влиять на вероятность прихода их к власти. Успех корниловского движения и большевистского переворота не представлялся равновероятным и многим вовлеченным в события: сошлюсь на

мемуары Ф. А. Степуна с описанием Керенского, плачущего в момент, когда он должен подписать первый приказ о расстреле дезертира.

Определение (и быть может, даже вычисление) вероятности разных событий, которые могут иметь место после взрыва, кажется одним из возможных направлений тех будущих исторических исследований, в которых методы теории вероятностей и теории информации займут место, им положенное.

Ю. М. Лотман в своих исторических и историко-литературных трудах сосредотачивал внимание на персонажах и типах, особенно характерных для России. Он предложил синтез своих исторических размышлений, мыслей о природе текста и семиосфере. И хотя его книги говорят о Науке о прошлом, они всецело обращены к будущему науки.

ОТ РЕДАКТОРА

Монография Ю. М. Лотмана, написанная специально для лондонского издательства I. B. TAURIS & CO. LTD (Yuri M. Lotman. Universe of the mind: a semiotic theory of culture. Translated by Ann Shukman. Introduction by Umberto Eco. London & New York, 1990. 306 p.), выросла из статей, печатавшихся в 1960—80-е годы. Настоящее издание сделано на основе предоставленной издательством рукописи с учетом черновых вариантов текста, хранящихся в архиве Ю. М. Лотмана. Исправления в цитатах и незначительная стилистическая правка специально не оговариваются, изменены система ссылок и оформление списка литературы. Все подстрочные примечания, отмеченные звездочками (*) — редакционные. В подготовке издания принимали участие Л. Н. Киселева, Н. П. Воробьева, Д. Э. Кузовкин, преподаватели Кафедры русской литературы и Кафедры зарубежной литературы Тартуского университета. Мы также благодарны сотрудникам Отдела редких книг Государственной публичной исторической библиотеки, оказавших содействие при подготовке рукописи.

Т. К.

ВВЕДЕНИЕ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Гёте некогда написал:

Ein grober Vorsatz scheint im Anfang toll;
Doch wollen wir des Zufalls künftig lachen,
Und so ein Hirn, das trefflich denken soll,
Wird künftig auch ein Denker machen

(Goethe 1977, V, 359)*.

Вопрос этот не потерял остроты. Напротив, с каждым новым шагом науки он, меняя формулировки, воскресает снова и снова. Однако на этом пути есть существенное препятствие: мы не можем удовлетворительно объяснить, что же такое этот самый интеллект, искусственно создавать который мы собираемся. Невольно приходит на память эпизод, рассказанный в мемуарах Андрея Белого. Отец его — профессор-математик, председатель Московского математического общества Н. В. Бугаев — однажды вел научное заседание,

<...> где читался доклад об интеллекте животных, отец, председатель, прервал референта вопросом, знает ли он, что такое есть интеллект; обнаружилось: референт не знает; тогда отец начал спрашивать сидящих в первом ряду:

— Вы? — Вы?

Никто не знал. Отец объявил: „Ввиду того, что никто не знает, что есть интеллект, не может быть и речи об интеллекте животных. Объявляю заседание закрытым“ (Андрей Белый 1931, 71—72).

* Нам говорят „безумец“ и „фантаст“,
Но, выйдя из зависимости грустной,
С годами мозг мыслителя искусный
Мыслителя искусственно создаст

(Перевод Б. Пастернака; Гёте 1975—1980, II: 259).